

Annex 112

КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА

Война: хроника

Южную Осетию отбили. Что с ней делать дальше?

Для этого осетинского ополченца война началась, когда ему было всего десять лет. Россия может прирасти новыми территориями и получить новые проблемы [видео+фото]
Дмитрий СТЕШИН — 22.08.2008

У нас есть на это моральное право и два железных аргумента: в непризнанной республике живут наши сограждане, и земля ее обильно полита кровью российских солдат. С другой стороны, деваться Южной Осетии некуда - экономики в республике просто нет, и даже в случае признания независимости эти территории все равно будут на содержании России. Корреспондент «КП» отправился в Южную Осетию, чтобы посмотреть на республику под непривычным, мирным углом зрения - как на новый субъект Российской Федерации.

Дорога смерти

Попасть в Южную Осетию российскому гражданину проще простого - как на дачу съездить. И если северные осетины прилежно пробивают вашу личность через компьютерную базу, то на южной стороне полусимволической границы ворота круглый год нараспашку.

- Как на кладбище, всегда открыто, - смеется мой водитель.

Правда, ехать в одиночку в родной Цхинвали он не захотел, взял с собой родственника из Владикавказа, успевшего повоевать добровольцем в пятидневной войне. Мы спускаемся по горному серпантину, и в косых лучах садящегося солнца в долине четко читаются расплывшиеся насыпи древних аланских курганов и фундаменты родовых башен. Правда, сейчас между этой кавказской археологией притаились зенитные установки, зорко стерегущие единственный капилляр, связывающий Южную Осетию с миром, - Рокский тоннель.

- Это дорога смерти, - говорит вдруг водитель.

- Я помню, как после первой войны по всему этому серпантину стояли фуры и бочки со спиртом. Я сам купил армейский наливняк с насосной станцией с консервации. Не поверишь, за два дня отбил! Такие деньги шли, такие деньги!

Водила горестно цокает. Видно, есть что вспомнить. Сразу после первой осетино-грузинской войны, примерно в 1993 - 1994 годах, маленькая непризнанная республика превратилась в огромный насос, по которому в Россию качали контрабандный спирт. Спирт гнали в Осетии, Грузии, Турции и даже в Южной Америке. Помните, знаменитый «Роял» в литровых бутылках и водку «Черная смерть» и «Петрофф» в жестяных баночках, которая стоила дешевле лимонада? Собственно именно этот контрабандный алкогольный трафик и дал возможность образоваться и встать на ноги мятежной республике. Во что это обошлось России - невозможно представить и сосчитать. Хотя кое-кто из осетин смотрел

на происходившее по-другому. На годовщину событий в Беслане человек, у которого жил корреспондент «КП», обронил дико звучащую фразу:

Жив ли тот, кто написал эти слова? Жива ли его возлюбленная?

- Это Бог нас наказал - за то, что мы сподарили Россию.

Впрочем, Россия опомнилась и закрыла таможню с севера, потом ввела акцизные марки и лицензии. Спиртовые короли начали заносить деньги куда надо... Таможня то открывалась, то закрывалась, кто успевал проскочить, мгновенно становился богатым. В конце 90-х годов спиртовой кран завернули окончательно и небо померкло:

- Работы нет со времен СССР, денег нет. Люди дома продавали. Дома закладывали под дикий процент, чтобы спирт купить. Стоишь на таможне неделю, две, проценты капают, прибыль сжирают. Еще день - и у тебя дома нет, зато есть долг. Что делать? Тронулся, рулем дернул и в пропасть улетел. Потому «дорогой смерти» ее и прозвали.

Как в подтверждение его слов мы проезжаем мимо лежащих далеко внизу бесформенных и ржавых автомобильных останков. Впрочем, авторитетные люди выкрутились из сложной ситуации - просто перенесли свой бизнес в Северную Осетию: не без стрельбы, конечно. С тех пор на окраинах Владикавказа появились непонятные сооружения, похожие на склады с глухими заборами, опутанными колючкой. Чем занимаются за этими заборами, поймет даже слепой: здесь в безветренные дни запах перебродивших фруктов буквально валит с ног редкого прохожего.

Мародерство по праву

Я опоздал в Цхинвали ровно на минуту - начался комендантский час, и БМП, временно исполняющая роль шлагбаума, взревела двигателем и встала поперек шоссе. Приехали. Блокпостом рулил низенький майор: бешеный взгляд, губы в нитку, рваная форма, потертый автомат. Не тыловик, а воин, запредельно уставший за последние дни. Такие люди вспыхивают как бенгальский огонь и так же быстро гаснут. Я подошел к майору спустя десять минут, присел рядышком на мешок с песком и со словами «от «Комсомолки» вручил ему пакетик орешков. Майор принес минералку, закурили:

- Зачем этот комендантский час? Война-то кончилась!

- С мародеркой боремся. Там дальше по этой дороге - грузинский анклав. Вот ополченцы и тащат оттуда все что можно. Скот гонят. Тридцать коров - квартира во Владике. Домов-то не осталось у людей...

- Стреляете мародеров?

Майор посмотрел на меня с изумлением:

- Ты чо! У меня БМП разулась (слетела гусеница. - Прим. корр.), так пятеро осетин час грызунов (так тут называют грузин) от нас отгоняли, пока мы ремонтировались, двоих человек потеряли. Есть прописка в Цхинвали - вези чего хочешь. Нет прописки - вон, полюбуйся.

Я полюбовался: в канаве у блокпоста была свалена куча битых телевизоров, валялась гнутая телевизионная тарелка, а весь этот апофеоз войны венчала печка-микроволновка, проткнутая насквозь арматурным прутком. За время разговора майор окончательно остыл и теперь соображал, что ему со мной делать.

- Слышишь, журналист, ты там с людьми аккуратнее общайся. Стрельнут и не задумаются. Они воюют (майор задумался) уже шестнадцать лет. У каждого кто-то погиб. Законы у них здесь свои, по ним и живут. Россию, понятно, все любят, но в душу им грубо не лезь!

Майор не договорил, на дороге показался микроавтобус МЧС. Через минуту я ехал, разглядывая грузинский анклав, граничащий с Цхинвали. Ровно за пять часов до начала войны я был в этих селах. Пресс-служба альтернативного прогрузинского президента Южной Осетии Дмитрия Санакоева показывала мне, как они экономически искушают осетин-сепаратистов. Незадолго до войны здесь были построены кинотеатр, бассейн, заправка, аптека, магазин бытовой техники, парк аттракционов... Война пощадила лишь спортплощадку. Мимо проносились сгоревшие грузинские дома, пожухлые от пожаров виноградники, безобразно раздутые туши скота. Из переулка на шоссе вырулил «уазик», к заднему бамперу машины был прицеплен ядовито-зеленый советский мотороллер «Муравей». Бородатые мужчины в камуфляже, но без оружия гнали в сторону Цхинвали стадо коров с ввалившимися боками.

В мир здесь не верят

Памятник филологу Васо Абаеву расстреляли специально - целили в голову.

Поселился я в жутковатом месте - в одном из корпусов цхинвальской больницы. Стекол в здании не было - в соседний корпус попал снаряд «Града». Прямо подо мной, в глубоком сыром подвале, еще стояли больничные койки. Врачи не спешили их убирать - здесь так привыкли к бесконечной войне, что никто уже не верит в мир и не строит планов на светлое будущее. В больничном коридоре я нашел сбитый комками матрас - на одной стороне его был кровавый отпечаток человеческого тела. Вспомнилась почему-то Туринская плащаница, кусок ткани, в которую вроде бы заворачивали тело Христа. Я гнал от себя эту богохульную мысль и не мог от нее избавиться, хотя чем страдания Христа отличались от страданий неизвестного мне человека? Другая сторона матраса была чистой, а спать на железной сетке, усыпанной битыми стеклами, не хотелось. Прямо у меня под окнами был развернут мобильный госпиталь МЧС. В одной из палаток лежала старуха грузинка и проклинала весь белый свет. Ее бросили родственники в одной из грузинских деревень, а саперы привезли и сдали в госпиталь. Что с ней делать, никто толком не знал, в глазах старухи плескалось безумие, а от ее проклятий даже на жарком кавказском солнце подирал мороз. Вокруг палатки со старухой бродил осетинский ополченец. Бродил, ступая мягко, как лесной зверь, и оглядывался. Он был без оружия, лишь сзади за широкий ремень у него был засунут здоровенный кинжал без ножен. Кто-то из врачей увидел ополченца и закричал:

- Коля! Е...! Ну убери его отсюда!

Появился здоровеннейший Коля с автоматом, и ополченец с ножом потерялся в зарослях больничного сада.

На следующее утро я встретил этого человека во дворе больницы. Из расщепленных спичек и сухой земли он сделал маленькое кладбище на три могилы.

Корреспондент «КП» в разрушенном квартале на улице Тельмана. Многим домам здесь больше сотни лет.

- Мария, Бела, Марина. - Мужчина поочередно дотронулся до каждого крестика черным от грязи пальцем. Теймураз Отиев, так его звали, совершенно ровным голосом рассказал мне, что отца его убили грузины еще в 1992 году, когда он был маленьким. Мать и две сестры прятались от обстрела в подвале. Над ними, прямо в доме, стояли канистры с бензином и соляркой. Женщины не сообразили их вынести прочь, когда начался обстрел, а Теймураз воевал и не мог ни дать им совета, ни спасти. Прах смешался с углями от сгоревшего пола, шифера и стропил. Хоронить было нечего. Автомат у него забрали сослуживцы, а в госпиталь он приходит «пить таблетки». О планах на мирную жизнь Теймураза мог спросить только идиот. Какая там мирная жизнь... Может быть, лет через десять война оставит этих людей в покое, если не начнется вновь.

«Мы сделали гадкое дело...»

- Война больше не начнется, - сказал мне председатель парламента Южной Осетии. - Мы сделали гадкое дело, я знаю. Но грузины сюда больше не вернуться - мы сожгли все их дома в анклавах. Больше не было способа прекратить эту войну и разрубить узел. Эту войну не мы начинали.

Мы сидели с Знауром Гассиевым на краю пересохшего фонтана во дворе сгоревшего дотла и разбомбленного комплекса правительственных зданий.

Знаур Николаевич рассказывает мне, что при СССР были в Южной Осетии предприятия союзного подчинения - он сам работал директором крупнейшего свинцово-цинкового рудника. Были единственный в СССР завод «Вибромашина», завод «Эмальпровод», ткацкая фабрика. Было и сельское хозяйство... Все это заброшено и разрушено давным-давно. Акции предприятий переданы российским промышленникам - это, по словам собеседника, была политическая акция, которой долго возмущались грузины. Уже потихоньку начались реконструкция и восстановление, и очередная война перечеркнула все планы. Мы говорим о том, что почти половина республики разбежалась по всему свету. Женщины боятся рожать, а мужчины с 18 лет берут в руки оружие. Им платят около 7 тысяч рублей в месяц, что даже по меркам Владикавказа - средняя зарплата. Платит Россия, бюджета как такового у республики в последние годы не было. В нем была только одна расходная статья - война.

Для этого осетинского ополченца война началась, когда ему было всего десять лет.

- Нужен хотя бы год мира, - говорит мне Знаур Гассиев, и мы начнем приходить в себя. Мы выстрадали этот мир и независимость.

- А как же Россия, если вы независимы?

- Мы независимы, но мы с Россией.

Наверное, над последними словами председателя парламента стоило бы задуматься нашим политикам, просчитывающим наши дальнейшие отношения с Южной Осетией. Мне показалось, что в них есть некоторое противоречие, объясняющее многое. Например, почему за десяток лет мы так и не признали Южную Осетию и Абхазию, хотя почти все жители этих республик - наши сограждане?

- Все очень просто, - растолковал корреспонденту «КП» высокопоставленный сотрудник российских спецслужб, всю жизнь работавший и воевавший на Северном Кавказе. - Как только мы попробуем ввести эти республики в наше правовое поле, начнутся проблемы. Последствия я хорошо себе представляю. Придется разбираться с незаконным оружием, которого на руках - тонны. С нелегальным бизнесом местных чиновников, угнанными машинами, людьми, находящимися в федеральном розыске. Людей, живущих войной, придется насильно превращать в мирных граждан. Нам неизбежно придется урегулировать отношения с Грузией и ее новым правительством, а значит, возвращать беженцев. А их тут примут?

И ты догадываешься, кто в этих непризнанных республиках станет вторыми врагами после грузин?

Я, кажется, догадался.

ВЗГЛЯД С 6-го ЭТАЖА

«Приз» за победу в войне

Можно не гадать - дружба с Южной Осетией обойдется России очень дорого. Ничуть не меньше, чем восстановление Чечни. Но разве дружбу можно мерить деньгами? Мы обрели в качестве «приза» за победу в кавказской войне союзника, не имеющего экономики, наполовину разрушенного, населенного людьми, психика которых почти необратимо искалечена войной. Взамен мы получили нечто большее, чем деньги. Россия впервые за много лет показала, что не бросает своих граждан в беде, а в ответ на безбрежную наглость способна ответить так, что мало не покажется. И это многие поняли, операция по «принуждению к миру» обязательно облегчит диалог России и с Западом, и с тем же Кавказом, и с некоторыми непонятливыми и хамоватыми странами постсоветского пространства. За эти недели мир неуловимо поменялся и уже никогда не будет таким, как был. Вдруг выяснилось, что Запад не всегда готов безудержно кидаться в драку даже за самых своих верных прихвостней. И еще мы поняли - случись беда, на Кавказе у России был и есть народ, дружба с которым скреплена кровью.

Видеоотчеты и фотогалереи наших корреспондентов смотрите на сайте.

<http://kp.ru/daily/24150/366813/>